

Наталья Смирнова

Феноменологический проект анализа социальных коммуникаций

«Деградация социального» и ее культурно-антропологические последствия

Актуализация проблемы философского и социально-научного анализа социальных коммуникаций обусловлена переходным характером современной социальной организации. Современные тенденции развития от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу инспирируют масштабные мутации модернистских универсалий культуры, включая и фундаментальную для культурно-антропологического анализа – «социальное отношение». Подобный сдвиг от устойчивых форм социальных связей, основанных на жесткой социально-классовой структуре, к постиндустриальному плюрализму эвентуальных (от случая к случаю) социальных взаимодействий, укорененных в коммуникативных практиках социального конструирования реальности, инспирировал постмодернистские представления о «закате социальности» как глобальной проблеме современности.

Один из наиболее глубоких критиков современного общества З.Бауман¹ описывает симптомы деградации социальных коммуникаций и наступление эры «радикальной индивидуализации» как фрагментацию личной и общественной жизни, стремление отказать от долгосрочных целей ради достижения немедленных результатов. Наше общество, полагает он, быть может, первое в истории, не вознаграждающее за отказ от получения немедленных результатов в пользу перспективных целей – лозунг «все сразу» стал символом современного потребительского общества. Деградация социальных связей выражается и в размывании границ меж-

ду частным и общественным, подмене социальных задач личными и социально-групповыми устремлениями. Общественный интерес деградирует до уровня любопытства к частной жизни публичных персон, а личная жизнь человека становится «биографическим разрешением системных противоречий, к возникновению которых он по большей части не имеет никакого отношения»². Проявлением тенденции «деградации социального» является и возрастающая тенденция к самодостаточности экономических, и, прежде всего, финансовых процессов, тогда как собственно социальное начало становится все менее значимым.

На фоне культурно противоречивых процессов деградации социальных коммуникаций заметно оживились неoarхаические тенденции. «Средние века уже начались», – констатирует У.Эко, имея в виду и возрождение корпоративного духа среди имущих, и усиление социально-культурного локализма, и потерю контроля над большинством социальных процессов, ранее казавшихся вполне «прозрачными»³. Компаративный цивилизационный анализ позволяет диагностировать возрождение характеристик глубоко архаичных структур традиционалистского сознания: утрату заповедных зон публичной презентации и артикуляции в культуре, «расколдование» культурно обузданных проявлений чувственных влечений, эстетизацию примитива.

В социально-психологическом плане деградация социальных коммуникаций сопровождается возрастающей неопределенностью и незащищенностью человека перед лицом не контролируемых им перемен. Идеологи постмодернизма стремятся представить такое социальное самочувствие человека как «естественное», призывая его получать «удовольствие от риска». Современный социум все более утрачивает устойчивые социальные общности – узелки невидимых нитей социальной ткани. Размывание стабильных структур социальной идентификации (классов, социальных «прослоек», страт и т. п.) приводит к тому, что социальное самочувствие человека приобретает черты болезненной неустойчивости ввиду утраты устойчивых форм коммуникативной поддержки субъективной реальности.

Отмеченные тенденции радикальных трансформаций социальных коммуникаций и порожденный ими запрос на поддержание социальных коммуникаций – невидимых нитей социальной

ткани – выдвигают в фокус философского анализа человека и общества проблему когнитивной природы и сущности социальных коммуникаций. Эта проблема имеет междисциплинарный статус. И углубленный философский анализ в состоянии задать концептуальные рамки междисциплинарного исследования этой проблемы.

Наиболее глубокую разработку проблем социальных коммуникаций можно обнаружить в социальной феноменологии. Специфика социально-феноменологического подхода к анализу сущности социальных коммуникаций состоит в том, что, проблематизируя саму возможность социальных коммуникаций (в кантовском смысле), она исследует *предельные основания социальности* как таковой.

Как возможны социальные коммуникации?

Культурно-антропологическим содержанием процессов социальной коммуникации является *трансляция человеческих смыслов*. В рамках гуманитарно-ориентированного анализа смысл – важнейший персонаж философского учения о человеке. Он задает собственно человеческую, гуманитарную размерность культурных артефактов человеческого познания и деятельности. Социально-культурная реальность – это «мир, светящийся смыслом» (М.Натансон). В философской картине мира смысл опосредует онтологический зазор между бытием и сознанием. «Сознание (переживание) и реальное бытие – это отнюдь не одинаково устроенные виды бытия, которые мирно жили бы, один подле другого, порой «сопрягаясь», порой «сплетаясь» друг с другом... – убежден Э.Гуссерль. – Между сознанием и бытием поистине зияет пропасть смысла»⁴. И социальная «продвинутость» современных обществ, их готовность ответить на коммуникативные вызовы современности в значительной мере обусловлена эффективностью социально-го конструирования каналов рациональной трансляции смыслов.

Философское осознание роли смысла как атрибута культурных артефактов человеческого познания и деятельности исторически изменчиво, относительно к цивилизационным параметрам. Свойственный индустриальной цивилизации образ природы и общества как упорядоченных систем, управляемых объективными

законами, инспирировал установку на переделку мира и самого человека. Активистски-деятельностный подход, как форма философской рефлексии над проективно-преобразовательными практиками модернистского социума, абстрагирован от ценностно-смысловых характеристик человеческой деятельности. В настоящее время коммуникативно-смысловая парадигма неклассической науки и философии значительно потеснила традиционный «деятельностный» подход, выражавший преобразовательные устремления к переделке природы, общества и самого человека. Корректировка ценностей и жизненных смыслов индустриальной цивилизации в условиях информационного общества инспирировала культурный запрос на «человекообразные» подходы в социальной философии, культурной антропологии и когнитивных науках о человеке. Далее мы рассмотрим одну из наиболее философски изощренных концепций социальных коммуникаций – *социально-феноменологический подход* как теоретический синтез трансцендентальной феноменологии Э.Гуссерля и понимающей социологии М.Вебера.

Конститутивным для социально-феноменологического проекта является *коммуникативно-смысловой подход* к анализу социальной реальности. Заимствованные у Э.Гуссерля кантианские презумпции социальной феноменологии обусловили «возвратный» способ постановки проблемы социальной коммуникации: как возможны социальные взаимодействия в принципе? На чем основана сама возможность коммуникативного отклика партнера по социальному взаимодействию? И если когнитивным условием возможности социальных коммуникаций является взаимопонимание, то каковы фундаментальные основания (трансцендентальные предпосылки) понимания в социальном мире? Анализ социально-феноменологического проекта дает богатый и, на наш взгляд, не вполне освоенный когнитивными науками о человеке материал для углубления теоретических представлений о механизмах социальных коммуникаций как сущности социального бытия человека.

Предметом социальной феноменологии является смысловая структура социальной реальности – «*Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt*»⁵. Применительно к анализу социальных коммуникаций социально-феноменологическая ориентация на постижение *смысловой структуры* социального мира означает, что как сама

коммуникативная ситуация, так и вовлеченные в нее объекты природы и культуры имеют разное значение для коммуникативных партнеров. Источник подобного различия коренится в том, что ситуация, в которой находятся коммуникативные партнеры, является для каждого из них *биографически детерминированной*. Это означает, что личный опыт проживания человека в социальном мире опосредует любые формы его восприятия путем придания им биографически определенных *субъективных значений*. Это «отвердевшая» в памяти человека история его жизни, выступающая эталоном оценки наличных восприятий. «Иерархия» субъективных значений не остается неизменной: человек всю жизнь вынужден неосознанно «переписывать» свою духовную биографию, чтобы согласовать сложившуюся систему субъективных значений со вновь обретенным коммуникативным опытом. Динамизм биографически определенных ситуаций привносит дополнительные трудности в анализ феноменологических предпосылок социального взаимодействия. Но для анализа простейшей его модели достаточно зафиксировать тот факт, что *биографически определенные ситуации коммуникативных партнеров, укорененные в наиболее значимых переживаниях их жизни, различны*. Поэтому первая трудность, с которой сталкиваются коммуникативные партнеры, состоит в том, что, находясь в биографически определенных ситуациях, они не в состоянии воспринимать одну и ту же ситуацию абсолютно одинаково, поскольку приписываемые ей субъективные значения различны, по крайней мере, до некоторой степени.

Эксплицируя предпосылки социальных коммуникаций, социальная феноменология постулирует возможность преодоления различий индивидуальных перспектив пространственного видения и биографической обусловленности восприятия в коммуникативной ситуации с помощью двух идеализирующих допущений: *взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности*. Взаимозаменяемость точек зрения (*interchangeability of the standpoints*) означает, что я полагаю само собой разумеющимся (и ожидаю, что другой делает то же самое), что различия наших пространственных положений по отношению к объекту не препятствует его восприятию в одной и той же системе типизаций. Соответствие систем релевантностей (*congruence of the system of relevances*) означает, что пока не доказано обратное, я считаю (и

полагаю, что другой делает то же самое), что укорененное в биографически определенных ситуациях различие восприятий коммуникативной ситуации не препятствуют выполнению нами общей задачи. Мы оба отбираем и интерпретируем общие объекты и их характеристики одним и тем же способом, или, по крайней мере, в «эмпирически идентичной манере», достаточной для всех практических целей⁶. Приведенные выше идеализирующие допущения позволяют рассматривать коммуникативную ситуацию как *интерсубъективную*, т. е. не зависящую от того, каким образом определяет ситуацию коммуникативные партнеры, их положения в пространстве и уникальных биографических особенностей.

Социально-феноменологический анализ прямых социальных коммуникаций

Идеализация взаимности перспектив предполагает, что коммуникативным партнерам доступна телесность друг друга с симптомами внутренней жизни чужого сознания. Подобная ситуация непосредственной данности друг другу в пространстве общего восприятия, благодаря которым тела партнеров становятся полем выражения их субъективного опыта, принято называть ситуацией «лицом-к-лицу» (face-to-face). Это фундаментальная идеализация феноменологического анализа социальных коммуникаций. Ситуация лицом-к-лицу представляет собой типизацию множества эмпирически различных ситуаций, в которых субъективность коммуникативных партнеров максимально открыта. Конечно, быть лицом-к-лицу с человеком, которого любишь, и со случайным дорожным попутчиком – разные (по субъективным смыслам) типы взаимодействий, но с одинаковой структурой презентации в опыте.

В ситуации лицом-к-лицу, в которой коммуникативным партнерам максимально открыты проявления чужой субъективности, игру черт лица и жестов можно понять по аналогии с собственным опытом эмоционального самовыражения. Но коммуникативный партнер может имитировать кого-то, выступая «симулякром» другого, лукавить, скрывая свои подлинные намерения, наконец, использовать языковые знаки в целях языковой игры. Подобную ситуацию с гениальной психологической тонкостью описал

М.Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Римский прокуратор Понтий Пилат в беседе с начальником тайной стражи Афранием на словах выражает озабоченность якобы готовящимся покушением на Иуду. На самом же деле ценой тонких словесных ухищрений и денежных посулов он пытается донести до рыцаря плаща и кинжала совсем иной наказ: отомстить Иуде за его предательство. Афраний не сразу схватывает потаенный смысл Пилатова замысла, ибо прямое значение прокураторских слов расходится с навязанными языковой игрой. Пилат усиливает напряжение словесной игры, основанной на рассогласовании прямого и символического значения слов, подкупая потенциального мстителя щедрыми обещаниями. «Так убьют, игемон?» – восклицает прозревший, наконец, Афраний и отправляется исполнять тайное поручение.

Дальнейшие действия свидетельствуют о том, что рыцарь плаща и кинжала *понял* подлинный смысл приказа, вопреки словесному наказу предотвратить убийство, т. к. на практике смог «включиться в игру» и осуществить задуманное Пилатом. Прибегнув к помощи возлюбленной Иуды, дабы заманить того в западню, он категорически отвергает предложенную прокуратором официальную версию убийства из ревности и с неподдельным возмущением повествует о собственном деянии как о дерзости убийц, подбросивших «иудины сребреники» в дом иудейского первосвященника.

Существует множество уровней понимания чужого действия. Коммуникативный партнер не должен и даже не в состоянии постичь всего многообразия мотивов другого в горизонте собственного опыта, т. к. абсолютно адекватное понимание потребовало бы полной идентичности их систем биографически обусловленных субъективных значений. Поэтому для коммуникативных целей достаточно редукции действия коммуникативного партнера к типичным субъективным мотивам, т. е. их отнесение (референцию) к типичным ситуациям, типичным целям и типичным средствам⁷. Так, большинство тех, кто не имеет собственных детей, в состоянии понять смысл высказывания «мать заботится о здоровье своего ребенка».

Существуют и разные уровни осведомленности о самом действующем лице, различные степени осведомленности и отчужденности: от близкого друга до случайного попутчика. Но чтобы

понять типичные мотивы коммуникативного партнера, нет необходимости знать его лично. Можно, к примеру, понять действия исторической личности, жившей задолго до нас, или лично не знакомого нам публичного политика. Мы не можем знать, о чем они думали, но в состоянии приписать их действиям *типичные мотивы*. Понять анонимного коммуникативного партнера – значит интерпретировать его деятельность в категориях типичной мотивации. Я могу понять смысл высказывания «Франция опасается перевооружения Германии», не будучи ни немцем, ни французом, утверждает А.Шюц.

В ситуации лицом-к-лицу коммуникативное взаимодействие является сравнительно «мягким». Ему трудно навязать жесткие образцы (коммуникативные паттерны). Даже если ситуация организована как «жесткая» (напр., по типу армейской иерархии), свойственные ей образцы взаимодействий в процессе обмена значениями неизбежно «размягчаются». Но и коммуникация лицом-к-лицу предполагает наличие типизированных схем. Однако эти схемы более пластичны, более доступны взаимному наложению (интерференции), чем в отдаленных (непрямых) формах социальных взаимодействий. Тем не менее, «наиболее важный коммуникативный опыт имеет место в ситуации лицом-к-лицу, – убеждены П.Бергер и Т.Лукман. – Все остальные типы социальных коммуникаций производны от него»⁸.

Непосредственная данность коммуникативных партнеров в ситуации лицом-к-лицу конституирует специфическую интенциональность подобных ситуаций – ориентацию на партнера как целостную личность – Ты-ориентацию (Thou-orientation). Она представляет собою совокупность тех интенциональных актов, в которых его схватывает наличие другого в поле собственного восприятия. В Ты-ориентации коммуникативный партнер лично ориентирован: он взаимодействует с конкретным человеком, а не социальным типом. Взаимная ориентация на коммуникативного партнера в Ты-ориентации (Thou-orientation) порождает Мы-отношение (We-relationship) – конститутивное основание социальных коммуникаций любого типа.

Для реконструкции совместного опыта Мы-отношений необходимо сместить фокус внимания коммуникативных партнеров друг с друга на само взаимоотношение. По мере рефлексивного

достижения Мы-отношений ослабевает персональная вовлеченность в них каждого из партнеров. Чем более один из них сосредоточен на самих отношениях, тем в большей мере он превращает другого в объект.

Мы-отношение является фундаментальным для реализации человеческой способности к самоопределению, социальной идентификации. Лишь относясь к другому как к уникальной личности, человек обретает возможность индивидуализироваться, оттачивать собственные личностные характеристики. Высокоразвитой индивидуальности, быть может, и не нужны постоянные «живые» коммуникации. Но ресурсы даже и такой личности не безграничны. Воображая, что обрел в себе архимедову точку опоры, человек закрывает себе путь к дальнейшему саморазвитию. В патологических случаях он утрачивает способность отличать желаемое от действительного, себя от других. Даже границы собственного тела могут утратить для него определенность⁹. Неспособность поддерживать общение, убеждены социальные психологи, блокирует самоидентификацию и чреват кризисом персональной идентичности.

Типичным образцом повседневного общения являются повседневные беседы. Утверждению о том, что один коммуникативный партнер понимает смысл речи другого, в социальной феноменологии присущ двоякий смысл: объективный – понимание произносимых слов на основе их словарных значений, и субъективный – понимание того смысла, что вкладывает в свои слова сам говорящий. Чтобы схватить субъективный смысл, необходимо интерпретировать интенциональные акты говорящего, соответствующие выбору его слов. Понимание возможно в той мере, в какой говорящий и слушающий в состоянии постичь содержание субъективных значений друг друга. Анализ этого вопроса отсылает нас к социально-феноменологической концепции речевых коммуникаций.

Язык как средство трансляции субъективных значений

Развитые социальные коммуникации основаны на использовании знаков и знаковых систем. Знак, используемый в коммуникации, адресован индивиду или анонимному интерпретатору. Коммуникация будет успешной, если коммуникативный знак предва-

рительно проинтерпретирован тем, кто его использует, в терминах ожидаемой интерпретации адресата. Феноменологически это означает, что *тот, кто использует знак, должен предвосхитить апперцептивную и референциальную схемы его интерпретации*. Иными словами, использующий знаки в коммуникативных целях должен предвосхитить, «как слово наше отзовется», предварительно «отрепетировать» их ожидаемую интерпретацию коммуникативным партнером. Коммуникация будет успешной, если интерпретативная схема использующего коммуникативный знак и та, которую, как ожидается, использует интерпретатор, существенно совпадают.

В силу обусловленности интерпретативных схем коммуникантов персональной системой субъективных значений их абсолютное совпадение невозможно. Различие систем субъективных значений полагает предел абсолютному успеху коммуникации. Но коммуникация может быть и действительно является успешной в высокоформализованных и стандартизированных языках, например, с использованием научной и технической терминологии. Практическое следствие подобных рассуждений состоит в том, что, успешная коммуникация возможна лишь между персонами и социальными группами, разделяющими существенно сходную систему типизаций и релевантностей. Чем больше сходства между ними, тем выше вероятность успешной коммуникации. «Коммуникативный императив» социальной феноменологии гласит: *соответствие смыслового контекста интерпретативных схем определяет условие и границы возможной коммуникации, т. е. способности партнеров адекватно понимать друг друга*.

Наиболее распространенным типом коммуникаций являются упомянутые выше *повседневные беседы*. С социально-феноменологической точки зрения процесс беседы – это взаимный обмен субъективными смыслами. В повседневных беседах люди, как правило, не дают ни определения мира, ни оценки собеседника и самих себя. Но повседневные беседы ведут с позиций определенных представлений о мире, себе и других, молчаливо принимаемых говорящими как сами собой разумеющиеся. Ибо любое высказывание «встроено» в определенную картину реальности, в рамках которой оно только и осмыслено.

Посредством обмена субъективными значениями осуществляется *коммуникативная поддержка субъективной реальности*. Самооценка, которую, как правило, поддерживает в человеке его собеседник, постоянно убеждает его в том, что он действительно тот, за кого себя принимает («короля играет свита»). И хотя коммуникативная поддержка субъективной реальности в процессах повседневных бесед является неявной (латентной), значение беседы для поддержания субъективной реальности и всей системы социальных коммуникаций столь велико, что Г.Сакс, к примеру, определяет повседневную жизнь как «линейный порядок практик беседы»¹⁰. Он не без основания полагает, что исследование повседневных речевых структур (конверсационной логики) и воплощенного в них «фонового» (неявного) знания способствует выявлению смысловой структуры социальной реальности – того «само собой разумеющегося», которое и позволяет коммуникативным партнерам понимать друг друга «с полуслова». Именно это знание и составляет значительный массив когнитивного фундамента повседневных коммуникаций.

Ситуативная детерминация значений: эмерджентные коннотации и схема выражения

Основанная на презумпции коммуникативной природы субъективной реальности, социальная феноменология использует принятый в современной лингвистике ситуационно-интеракционистский подход к значению. Это означает, что в ее рамках значения языковых знаков рассматриваются не как жестко фиксированные, но как обусловленные, по меньшей мере, частично, коммуникативной ситуацией. Ситуативно релевантное употребление языковых знаков определяет как выбор подходящего слова из словаря, так его эмерджентные смысловые оттенки. «Значение знака определяется как взаимным отношением знаков, так и тем, как их используют»¹¹, – убежден Г.Гарфинкель. Устойчивое же ядро референтных значений, зафиксированное в словарях, воплощает *типизированный* опыт использования слова лингво-коммуникативным сообществом и не исчерпывает собою всей полноты его значения в конкретной ситуации речевого общения. Для адекватного понимания слов коммуникативного партнера необходимо принять во внима-

ние его *ситуативные коннотации*, выражающие личный опыт использующего слово человека применительно к конкретной ситуации речевой коммуникации¹².

На относительное рассогласование субъективного и интерсубъективного значения слова в конкретной ситуации его использования в отечественной литературе обратил внимание А.Р.Лурия. «Значение» есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех, людей*, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное «ядро» – определенный набор связей». Наряду с этим, названный автор рассматривает и субъективную проекцию значения, обозначаемую термином «*смысл*». В отличие от значения, смысл – *индивидуальное значение слова*, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если «значение» слова является интерсубъективным отражением системы связей и отношений, то «смысл» – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации¹³. Иными словами, «референтное» значение универсально и выражает лингво-коммуникативный опыт всего языкового сообщества. Смысл же «относителен» к личному опыту человека и конкретной ситуации его использования. В социальной феноменологии этому различению соответствуют понятия *объективного и субъективного значения*.

Любой естественный язык, как правило, содержит слова с различными оттенками значений (коннотациями). Смысловые коннотации детерминированы коммуникативным контекстом и имеют специфически «ситуативную» окраску в каждом отдельном случае их употребления. Ситуативная детерминация значения состоит в том, что в различных ансамблях речевых практик слово обрастает эмерджентными, ассоциативными и эмоциональными «окаймлениями» (*fringes*). Они образуют смысловую ауру вокруг ядра устоявшегося «словарного» значения слова – лексически не выразимые смысловые импликации. Эмерджентные смыслы намекают, но «не говорят». Их можно выразить невербально (взглядом, жестом, танцем), положить на музыку и т. п. На ауре маргинальных смыслов построена вся мировая поэзия.

Не называя вещи своими именами, они позволяют «создать настроение» – эмоциональную и аффективную ауру художественного текста или живого общения.

Не существует установленных правил выбора смысловых коннотаций для различных ситуаций речевой коммуникации, т. к. значение знака детерминировано не только взаимным отношением знаков, но и тем, как их используют. Употребление слова, т. е. выбор из словаря подходящего значения или выражения, всегда опосредован как прошлым коммуникативным опытом говорящего, так и его определением наличной ситуации речевого общения. Язык каждый раз рождается заново в процессе его использования: устоявшиеся словарные значения слов претерпевают коннотативный «сдвиг значений» применительно к той или иной ситуации речевой коммуникации. Почерпнутые из коммуникативного опыта эмерджентные смыслы обеспечивают дополнительную «ситуативную» окраску каждому отдельному случаю употребления слов естественного языка. Ситуативно-обусловленные смыслы необходимо принять во внимание не только для адекватного понимания повседневных бесед, но и в изучении смысловых аспектов социальных коммуникаций в целом.

Эмерджентные смыслы невозможно деконтекстуализировать, т. е. понять на основе интересубъективных словарных значений в отрыве от конкретной ситуации речевой коммуникации, т. к. когда аппрезентативное соответствие знака и референта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. «Как представляется, в философии языка и культуры недооценена антиномия прямого значения знака и его идиоматического использования, – убеждены Н.Н.Козлова и И.И.Сандомирская. В основе же этой антиномии, полагают названные авторы, лежит оппозиция референции и тропа»¹⁴, до сих пор не исследованная в должной мере. Ибо приписывание прямого (словарного) значения идиоматическим выражениям ведет к бессмыслице.

Спектр возможных смысловых коннотаций «словарных» значений образуют специфическую матрицу разговорного языка, в социальной феноменологии называемую «схема выражения». Она может иметь персональный, социально-групповой характер или принадлежать лингвистическому сообществу в целом. Но даже и в последнем случае схема выражения транслируема ис-

ключительно в коммуникативном процессе и не может быть почерпнута лишь из словаря и грамматики. «Для того, чтобы освоить чужой язык как схему выражения, – убежден А.Шюц, – нужно написать на нем любовное письмо, помолиться и выругаться»¹⁵. Ибо экспрессивная и интерпретативная схемы естественных языков постигаются лишь в коммуникативном опыте, в котором конституируются и воспроизводятся.

Непрямые речевые коммуникации

Как вариант неклассической когнитивной установки социальная феноменология отвергает свойственную классической науке метафору языка как неискажающего переносчика социальных значений – идеального подобия светоносного эфира классического естествознания. Она вводит сильное идеализирующее допущение: *непрерывным условием адекватного восприятия речи является совпадение, по меньшей мере, частичное, упомянутых выше схем выражения*. Совпадение схем выражения в просторечье означает, что люди «говорят на одном языке». В ситуации лицом-к-лицу, где симптомы чужой субъективности максимально открыты, в этом, как правило, можно убедиться, наблюдая за выражением лица коммуникативного партнера. Говорящий интерпретирует реакцию партнера как гнев, отчаяние, безразличие и т. п. аппрезентативно, т. е. на основании «эмпирически сходной манеры собственной телесной экспрессии». Но восходящая к Э.Гуссерлю феноменологическая теория аппрезентации содержит ограничение: для того, чтобы подобная интерпретация чужой телесной экспрессии стала возможной, использующий коммуникативные знаки должен иметь сходные переживания в личном опыте (биографической ситуации). Ибо наличие гуссерлевского «первого творения» (в данном случае – опыта собственного переживания) – непременное условие феноменологически понятой аппрезентации.

Сложность адекватного восприятия языковых знаков существенно возрастает в ситуации непрямых социальных взаимодействий. Обращаясь к анонимному коммуникативному партнеру (т. е. за пределами ситуации лицом-к-лицу), использующий языковые знаки лишен возможности наблюдать за выражением его

лица и телесной экспрессией. В таком случае говорящему следует иметь в виду, что ему не удастся скорректировать возможное (а отчасти и неизбежное) несовпадение субъективных значений в самом процессе языковой коммуникации. Поэтому чтобы быть правильно понятым, говорящий должен провести воображаемую «репетицию» чужого восприятия, т. е. осуществить антиципацию аппрезентативной и референциальной схем выражения своего адресата – предвосхитить, «как слово наше отзовется». Если же коммуникативный партнер представлен идеальным типом, то использующий языковые знаки должен по возможности придерживаться их интерсубъективного, «словарного» значения. Чем более анонимен коммуникативный партнер, тем более «объективно» следует использовать языковые знаки.

Усвоение языковых правил сходно с усвоением норм: и то, и другое предполагает умение интерпретировать. Ребенок должен учиться интерпретировать общее правило или норму вкупе с конкретными примерами их употребления. «Члены общества, – убежден А.Сикурел, – должны усвоить знание того, как приписывать значение, так чтобы общие правила могли быть артикулированы применительно к отдельным случаям»¹⁶. Правила, следовательно, всегда требуют осознания некоторых особенностей, которые определяют пригодность этих правил в каждом конкретном случае.

В философско-методологическом плане это означает, что универсалистские претензии классической социальной теории на открытие «всеобщих и необходимых законов» социальной жизни в рамках социальной феноменологии замещаются исследованием «правил интерпретации». При этом любые интерпретации рассматриваются как временные конвенции, которые могут быть приняты лишь до тех пор, пока не заменены последующими интерпретациями, отвечающими более глубокому пониманию предмета. И задача методолога – изучать социально-культурную обусловленность (культурные детерминанты) различных интерпретаций в типизированных (интерсубъективных) способах мышления и деятельности¹⁷.

Благодаря способности преодолевать ситуативную ограниченность отдельных актов коммуникации, естественный язык в состоянии наводить мосты между различными пластами человеческого опыта – конечными областями значений (*finite province*

of meaning). При этом естественный язык служит проводником из одной конечной области значений в другую, напр., из области грёз, научного исследования или религиозного опыта в сферу повседневной жизни. Можно интерпретировать, например, значение сна или игры, выразив их содержание в обыденном языке повседневной жизни. С помощью языка можно связать эстетический и религиозный опыт, введя его образы в структуру повседневного мышления. Наконец, формализованный язык науки также основан на повседневном обыденном языке – попытки логических позитивистов создать особый язык-объект науки, не зависимый от естественного, не увенчались успехом.

Исследования А.Шюцем практики речевого взаимодействия в повседневной жизни развивает далее представитель «поздней» социальной феноменологии А.Сикурел. Он опирается на современные ему работы в области лингвистики, также основывающиеся на ситуационно-интеракционистском подходе к значению¹⁸, и развивает этот подход в соответствии с собственным когнитивным проектом. А.Сикурел подвергает критике присущую структурному функционализму нормативную установку, ориентирующую исследователя на то, чтобы ограничиться формулировкой всеобщих правил и оставить «в слепом пятне» способы их функционирования и интерпретации. Но в отличие от фиксированного правила, действие, в том числе речевое, носит спонтанный характер и обусловлено множеством жизненных обстоятельств, отсутствующих в формулировке правила. Действие может лишь отчасти следовать правилу. Между ними – неустранимый зазор, преодолеваемый – в случае успешного действия – личным усилием говорящего-действующего. А.Сикурел¹⁹ обращает внимание на тот факт, что сами по себе всеобщие правила, функционирующие в виде ценностей и норм, не содержат сведений о том, как их использовать на практике, т. е. применять в каждом отдельном случае. Знание того, как использовать правило или словесный знак, всегда контекстуально. Оно возникает в процессе социальных коммуникаций и содержит невербализируемые моменты, определяемые жестами, мимикой, телесной экспрессией говорящего. Словарные же значения, несмотря на их контекстуально-сенситивное происхождение, еще предстоит сделать *ситуативно релевантными*, т. е. специально отобрать для решения опреде-

ленной задачи речевого взаимодействия. В каждом конкретном случае они имеют эмерджентные коннотации *ad hoc*. Поэтому значения, содержащиеся в словарях, пригодны для решения конкретных практических задач лишь постольку, поскольку тот, кто их использует, руководствуется не логическими критериями выбора значений, но сам решает, какие именно черты коммуникативной ситуации оправдывают его лексический выбор.

Исследование языковых ресурсов объективации личного опыта приобретает особую значимость и в свете важнейшего методологического требования социальной феноменологии: постоянной экспликации предпосылок, почерпнутых из обыденного мышления. Презумпция погруженности социального теоретика в различные ансамбли языковых практик и, следовательно, несвободы от языковых клише, обусловленных его социально-групповым положением, – отличительная черта методологической рефлексии неклассической науки. Сформулированный в рамках социальной феноменологии *постулат чистоты метода* предписывает трактовать как аналитически проблемную не только языковую деятельность как таковую, но и свою собственную практику использования языка как члена языкового сообщества²⁰. Это требует экспликации неявных предпосылок, идиом и ловушек языка, почерпнутых из практики использования естественного языка в обыденном и научном мышлении. Рефлексивный анализ предпосылок социально-теоретического исследования позволяет достичь если не исчерпывающей, то практически достаточной степени «чистоты метода» как условия методологической корректности социально-научного исследования в когнитивных науках о человеке.

Примечания

- ¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
- ² Там же. С. 28.
- ³ Эко У. Средние века уже начались // Иностран. лит. 1994. № 1.
- ⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 10–11.

- 5 Это название первой и единственной, написанной на немецком языке, книги основателя социальной феноменологии А.Шюца, переведенной на английский язык под названием «On Phenomenology and Social Relations» (The Univ. of Chicago Press, 1970). Работы А.Шюца, написанные в Америке, представляют собой набор тематически связанных друг с другом статей. И лишь посмертно его последователями Р.Занером, М.Фабером и М.Натансоном было издано трехтомное собрание его сочинений (Collected Papers. 1962,1964,1966, Martinus Nijhoff, The Hague), куда вошли работы, написанные после 1940 г. Мною подготовлено и осуществлено издание на русском языке избранных работ А.Шюца под названием «Мир, светящийся смыслом» – А.Шюц. Избранное. Мир, светящийся смыслом. Составление тома, пер с англ. и общая редакция Н.М.Смирновой. М., 2004.
- 6 On Phenomenology and Social Relations. The Univ. of Chicago Press, 1970. P. 183.
- 7 Ibid. P. 180.
- 8 Ibid. P. 28.
- 9 М.Полани приводит пример того, как, выходя из душа, такой человек «забывает» вытереть свою левую руку, т. к. не воспринимает ее частью своего тела.
- 10 Sacks H. Introduction. P. VII // Garfinkel H. (ed.) *Studies in Ethnomethodology. Ethnomethodological Studies of Work.* L., 1986.
- 11 Garfinkel H. *Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology.* L., 1986. P. 114.
- 12 Подобное различие двух аспектов значения можно обнаружить еще в книге Л.С. Выготского «Мышление и речь» (1934). Он придает большее значение объективному аспекту значения, по его мнению, свидетельствующему о глубине отражения объективного мира.
- 13 Лурия. А.Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 53. Подобную же двойственность отмечают и современные исследователи речевых практик. «Как представляется, в философии языка и культуры недооценена антиномия прямого значения знака и его идиоматического использования, – полагают Н.Н.Козлова и И.И.Сандомирская. – В основе же этой антиномии, убеждены названные авторы, лежит оппозиция референции и тропа» – см. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1997. С. 22.
- 14 Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1997. С. 22.
- 15 Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. The Univ. Of Chicago Press, 1979. P. 98.
- 16 Ibid. P. 51.
- 17 В ходе дальнейшего развития феноменологии, а именно в «трансцендентальной прагматике» К.-О.Апеля, осуществлен переход от «синтеза апперцепций» к «коммуникативному синтезу интерпретаций», от анализа сознания – к анализу общения.
- 18 Из сравнительно недавно опубликованных работ следует отметить Romaine S. *Language in Society: Introduction to Sociolinguistics.* Oxford, 1994.

¹⁹ *Cicourel A. Cognitive Sociology. Language and Meaning in Social Interaction. Penguin, 1973.*

²⁰ Но процесс экспликации предпосылок, почерпнутых из обыденного языка и мышления, потенциально бесконечен, поскольку, как только такие значения обнаружены, допущения, сделанные в их анализе, также должны быть прояснены. В свою очередь, их экспликация заставляет делать дополнительные допущения, и так *ad infinitum* («парадокс бесконечной триангуляции»). Чтобы избежать редукции в бесконечность, ученый должен удовлетвориться если не исчерпывающим, то *практически достаточным* объяснением. И до тех пор, пока оно не опровергнуто новыми интерпретациями, найденное объяснение должно быть временно принято. Экспликация собственных предпосылок, т.о., является бесконечным процессом, поэтому социальный ученый должен осознавать, что его научные открытия являются временными, «предпосылочными» истинами, зависящими от путей познания и способов интерпретации.